

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi: 10.17223/22253513/43/6

Трансформация антитеррористического права России в условиях глобализации

Самвел Мамадович Кочои

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия, sam.kochoi@bk.ru*

Аннотация. Глобализация в нынешнем своем значении имеет, прежде всего, экономическое измерение. Однако она не мыслима без интеграции и унификации права, что в итоге приводит к трансформации правовых систем и национального законодательства отдельных государств. Особенно важным представляется сближение национального законодательства в борьбе против террористических угроз, с неизбежностью сопровождающих процесс глобализации.

Ключевые слова: уголовное право России, глобализация, антитеррористическое законодательство

Источник финансирования: исследование проведено в рамках Государственного задания 075-00293-20-02 от 25.05.2020 г. на тему «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы», тема № FSMW-2020-0030.

Для цитирования: Кочои С.М. Трансформация антитеррористического права России в условиях глобализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 69–85. doi: 10.17223/22253513/43/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/6

Transformation of Russian counter-terrorism law in the context of globalization

Samvel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, sam.kochoi@bk.ru

Abstract. The article shows the creation and development of modern anti-terrorism legislation in the Russian Federation. It is noted that the period of its formation coincided with the involvement of the post-Soviet Russian Federation in the process of globalisation, an inherent feature of which is the integration and unification of the legal systems and national legislations of individual states. According to the author, convergence of national anti-terrorist legislation of those states involved in countering transnational, global international terrorist organizations, such as the Islamic State banned in the Russian Federation, seems particularly important.

The process of adjustment of the Russian national legal system to needs of counteraction to terrorism (external and internal), its transformation both taking into account features of the international, and foreign legal experience of counteraction to terrorism is considered. The current strengthening of responsibility for terrorist crimes in the Criminal Code of the Russian Federation in many cases should be seen as a manifestation of global trends in combating terrorism. Not only the tightening of sanctions for terrorist activity, but also the addition of new anti-terrorist norms to the Criminal Code of the Russian Federation is proposed to be regarded as one of the results of integration processes in national law.

Despite the steps taken to transform Russian counter-terrorism legislation, its approximation and integration with international and foreign law, the process of globalisation in this field is not complete. It is concluded that the transformation of the Russian Federation's anti-terrorism law (the relevant counter-terrorism legislation and the relevant criminal law norms) must be continued in order to further its involvement in the effective counter-terrorism response in general – international law in the first place.

Terrorism has long ceased to be perceived as a local threat, so the internationalisation of counter-terrorism is one of the manifestations of globalisation in law. However, globalisation, which is a catalyst for the convergence of legal systems and national legislations, does not mean that the transformation of national law must necessarily lead to the dismantling of legal institutions and traditions successfully applied in the practice of law enforcement agencies and courts of states.

Keywords: Russian criminal law, globalisation, anti-terrorist legislation

Source of financing: the study was conducted within the framework of State Assignment No. 075-00293-20-02 of May 25, 2020, Topic No. FSMW-2020-0030: Transformation of Russian Law in the Face of Great Challenges: Theoretical and Applied Foundations.

For citation: Kochoi, S.M. (2022) Transformation of Russian counter-terrorism law in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 69–85. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/6

Введение

В английском языке термин «глобализация» (globalization или globalisation) появился еще в 1930-х гг., но приобрел свое нынешнее значение лишь в 1980-х гг., когда стал широко использоваться для характеристики деятельности транснациональных компаний [1. Р. 11; 2. С. 105–127]. Данное понятие в науке имеет множество определений и толкований. По мнению западных исследователей, под глобализацией следует понимать «все те процессы, посредством которых люди мира включаются в единое мировое сообщество» [3], «процесс сжатия мира, сокращения расстояний, сближения вещей» [4. Р. 9]. Глобализация имеет, прежде всего, экономическое измерение, однако выделяют и другие ее измерения (формы): политическое, культурное, идеологическое, экологическое, религиозное и т.д. [5. Р. 11; 6. С. 17].

Таким образом, то обстоятельство, что исследуемый процесс имеет экономическое основание, не только не исключает, но и предполагает наличие различных его аспектов, в том числе правового (законодательного). Ведь процесс сближения между государствами не мыслим без интеграции и унификации их правовых систем. Особенно заметно такое сближение в тех сфе-

рах деятельности, в которых правовое взаимодействие государств является не просто настоятельной, а объективной необходимостью. Речь, в первую очередь, идет о сфере безопасности (международной и национальной), одной из основных и главных угроз для которой представляет терроризм.

В настоящей статье рассматривается процесс приспособления российской правовой системы к нуждам противодействия терроризму (внешнему и внутреннему), ее трансформации как с учетом особенностей международного, так зарубежного правового опыта противодействия терроризму. Поскольку прогнозы относительно будущего угроз, которые содержит терроризм, нельзя называть утешительными, в настоящей работе рассматриваются предложения, которые, по нашему мнению, могут способствовать дальнейшей трансформации антитеррористического права в целом и уголовного законодательства в частности.

Одним из итогов глобализации стали события, происходившие на территории бывшего СССР на рубеже 1980–1990-х гг. Открытие границ, беженцы и неконтролируемые большие группы мигрантов, фактическое и одномоментное появление на территории некогда сверхцентрализованного государства различных «суверенных» республик со своими вооруженными силами и желанием выхода любой ценой из состава России – все это также было результатом глобализации, но наихудшим ее результатом. Идеология терроризма и сепаратизма, за экспорт которой взялись многочисленные антироссийские силы, нашла свою благодатную почву на территории именно этих республик.

Так, в начале 1990-х гг. для молодой Российской Федерации самым серьезным вызовом и наибольшей угрозой стал внутренний терроризм, носителями которого были, в первую очередь, национал-сепаратисты с Северного Кавказа, в основном борцы за «независимую Ичкерия». В разных городах России, включая ее столицу, регулярно происходили террористические акты с большим количеством жертв. Среди таких актов были беспрецедентно жестокие, направленные исключительно против мирного населения: атаки в школе Беслана, больнице Буденовска и театральном комплексе на Дубровской улице Москвы.

Антитеррористическое уголовное и профильное законодательство России: создание и развитие

Период громких террористических атак по времени (первая половина 1990-х гг.) совпал с разработкой и обсуждением проектов УК РФ, в которых, можно сегодня утверждать, еще не было полного понимания важности уголовно-правовых мер противодействия терроризму. Показательно, что, например, в одном из трех опубликованных проектов УК РФ антитеррористических норм не было вовсе¹ (в двух других говорилось о «терро-

¹ Новый Уголовный кодекс (Проект) // Спецвыпуск журнала «Закон» – приложения к газете «Известия».

ризме» и «террористических действиях»¹). В принципе, в этом не было ничего удивительного, если иметь в виду, что тогда, как считали многие авторитетные специалисты, по своей природе терроризм «не имеет тенденции к росту и развитию» [7. С. 42].

В итоге принятый в 1996 г. УК РФ, как оказалось, был далек от реальных потребностей борьбы с захлестнувшей страну волной терроризма, как и, что немаловажно, от учета положительного опыта конструирования антитеррористических норм в международных актах. Ведь как справедливо замечает А.И. Рарог, «в глобальном масштабе задача конвенций и прочих международных документов о противодействии терроризму заключается в интеграции усилий стран в выработку международно-правовых механизмов относительно террористических явлений, имеющих межгосударственное значение и требующих такой интеграции» [8. С. 155–178].

УК РФ, надо сказать, первоначально под террористическим актом понимал посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, предусмотренное ст. 277, тогда как совершение взрыва, поджога или иных действий либо угроза их совершения, предусмотренных ст. 205, называл терроризмом. В последней норме, правда, законодатель не был последовательным: одновременно в примечании к ст. 205 УК РФ, устанавливавшей основания освобождения от уголовной ответственности за преступление, содержащееся в ней, это же самое преступление называлось актом терроризма. Ситуацию с терминологией еще больше запутал принятый через полтора года (25 июля 1998 г.) после вступления в силу УК РФ Федеральный закон № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (далее – профильный закон 1998 г.), который не знал ни понятия «акт терроризма», ни понятия «террористический акт», но содержал понятие «террористическая акция». И лишь через восемь лет после принятия нового Федерального закона «О противодействии терроризму» (причем не сразу, а спустя четыре месяца после его принятия – 27 июля 2006 г.) законодатель, основываясь на новых дефинициях данного профильного закона, совершил рокировку в УК РФ: преступление, предусмотренное ст. 205, стало террористическим актом и одновременно перестало считаться террористическим актом преступление, предусмотренное ст. 277². Это было вызвано тем, что исчезнувшее из УК РФ понятие «терроризм» иначе стало определяться во вновь принятом (26 марта 2006 г.) профильном Федеральном законе (далее – профильный закон 2006 г.): теперь под терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздей-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (Особенная часть). Проект Министерства юстиции РФ и Государственно-правового управления Президента РФ. М., 1994; Уголовный кодекс Российской Федерации. Проект // Российская газета. 1995. 1 февраля; Проект Уголовного кодекса России // Юридический вестник. 1992. № 20.

² Относительному упорядочению терминов способствовали также отказ в профильном законе 2006 г. от понятия «террористическая акция» и замена в 2008 г. в УК РФ (примечание к ст. 205) понятия «акт терроризма» на «террористический акт».

ствия», связанные с различными формами противоправных насильственных действий. Наряду с этим, несмотря на отказ в ст. 205 от понятия «терроризм», оно полностью не исчезло из УК РФ: сохранилась ответственность за финансирование терроризма (ст. 205¹), публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205²), поддержку терроризма (ст. 205⁴), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207).

В описании террористического акта, как показывает анализ норм международного права¹, важное место отводится такому его признаку, как устрашение населения. Между тем на момент вступления в силу УК РФ (ч. 1 ст. 205) устрашение было названо в качестве одной из целей терроризма (акта терроризма). В этой связи мы еще в 2004 г. писали, что следует «исключить устрашение населения как цель терроризма, но необходимо его сохранить как свойство терроризма. Речь в данной норме должна идти о действии, направленном на устрашение населения. Необходимость упоминания в УК РФ устрашения населения можно объяснить также тем, что в международном праве почти во всех определениях терроризма оно присутствует» [9. С. 53]. Важно заметить, что такое изменение действительно было внесено 27 июля 2006 г. в Федеральный закон «О противодействии терроризму», что, безусловно, сблизило определения терроризма, имеющиеся в российском и международном праве.

Первоначальная редакция определения терроризма (акта терроризма) в УК РФ (как и в профильном законе 1998 г.) была далека от его международно-правовой дефиниции еще по одному признаку – кругу лиц (физических и юридических), могущих стать объектом воздействия террористов. Дело в том, что указанная редакция, содержащаяся в УК РФ (ч. 1 ст. 205), к таковым относил только органы власти. Подобная редакция не позволяла квалифицировать как «терроризм» («акт терроризма») указанные в ч. 1 ст. 205 УК РФ действия в отношении международной организации. Кроме того, она, казалось бы, создавала проблему отнесения к объектам воздействия террористов органы местного самоуправления, которые, согласно Конституции РФ, не входят в систему органов власти. Если первая проблема нашла свое решение в 2006 г., когда вновь принятый Федеральный закон «О противодействии терроризму» и УК РФ дополнили объекты воздействия террористов ссылкой на международные организации, то вопрос отнесения к ним органов местного самоуправления был решен не сразу. В начале, в профильном законе 2006 г. (в определении террористического акта), органы местного самоуправления входили в перечень объектов воздействия террористов, но уже через четыре месяца они были исключены из него². Федеральный

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. и др.

² В УК РФ (ч. 1 ст. 205), в определении терроризма (акта терроризма) органы местного самоуправления ни разу так и не были названы. В принципе, позиция УК РФ

закон, внесший данные изменения, был принят 27 июля 2006 г. и назывался «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”». Безусловно, эти шаги законодателя следует рассматривать как важный этап по сближению антитеррористических норм РФ и международного права.

Еще один вопрос, требовавший решения с учетом происходящих глобальных перемен в сфере права, это вопрос о видах террористических преступлений в российском праве и, в конечном счете, о сближении перечня террористических преступлений в национальном и международном (зарубежном) антитеррористическом праве. Как следовало из определения терроризма, к последнему Федеральный закон № 130-ФЗ от 25 июля 1998 г. «О борьбе с терроризмом» прямо относил только три преступления: терроризм (ст. 205 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений (ч. 2 ст. 360 УК РФ). При этом уголовный закон содержал оговорку о том, что к преступлениям террористического характера «могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях».

Помимо понятия «терроризм», профильный закон 1998 г. использовал понятие «преступления террористического характера», которое было шире первого понятия и включало, кроме преступлений, предусмотренных ст. 205, 277 и 360 УК РФ, также преступления, предусмотренные статьями 206 («Захват заложника») и 207 («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма») УК РФ. Еще больший перечень деяний охватывало понятие «террористическая акция» (ст. 3 профильного закона 1998 г.).

Тем временем в литературе раздавались голоса в пользу безусловного расширения перечня преступлений, которые следовало считать проявлением терроризма. Например, ссылаясь на известные события в Чечне, в литературе утверждали, что поскольку «исключительно уголовные, казалось бы, преступления (убийства, грабежи, разбой, изнасилования и др.) являлись частью общей системы геноцида по отношению к некоренным этническим группам населения с целью их “выдавливания” из “Республики Ичкерия”, а потому должны быть отнесены к преступлениям террористического характера» [10. С. 156].

представляется нам разумной, поскольку требования террористов обычно обращены к государству (органам государственной власти), а не к местному самоуправлению.

Необходимо отметить, что вообще сам подход определения террористических преступлений через формулирование перечня таких преступлений известен международному праву¹. В России также не все специалисты разделяют позицию законодателя относительно определения в УК РФ общего понятия террористического акта (терроризма) и считают, что достаточно иметь перечень составов преступлений, которые следует рассматривать как террористические [11. С. 33; 12. С. 203; 13. С. 5–6]. Однако вопрос о том, что относить к таким составам, в теории непременно вызывал серьезные споры. Например, одни авторы предлагали под терроризмом понимать совокупность преступлений, предусмотренных ст. 105 (ч. 2, п. «б», «е», «л»), 167, 206, 208, 277, 278, 279, 281, 295, 317, 357 УК РФ [14. С. 24–25; 15. С. 26–30], другие (при условии исключения из УК РФ ст. 205) – преступления, предусмотренные ст. 205¹–212, 227, 277 и 360 УК РФ [16. С. 22; 17. С. 130] и т.д.

Правда, складывается впечатление, что не только в литературе, но и в законодательстве отсутствует единство в том, что касается перечня таких преступлений. Так, первоначально в профильном законе (1998 г.) для характеристики этих преступлений использовалось понятие «преступления террористического характера», которое включало преступления, предусмотренные шестью статьями (205, 206, 207, 208, 277, 360 УК РФ), а также «другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях». В 2006 г. вновь принятый профильный закон отказался от понятия «преступления террористического характера» и ввел в оборот понятие «террористическая деятельность», к которой относятся, согласно примечанию 2 к ст. 205² УК РФ, преступления, предусмотренные семнадцатью статьями (205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 205⁶, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361) УК РФ. При этом, как показывает анализ данных норм, понятие «террористическая деятельность», используемое в действующем профильном законе (2006 г.) и УК РФ, имеет разные содержания. Противоречия можно обнаружить даже в самих нормах УК РФ, в которых содержится данное понятие. Так, перечни преступлений, предусмотренных в диспозициях ч. 1, 1¹, 3 и 4 ст. 205¹, исходя из названия данной статьи («Содействие террористической деятельности»), по идее, должны быть идентичными, поскольку

¹ Например, в Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. содержится только перечень преступлений, которые договаривающимися государствами не квалифицируются в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершаемого по политическим мотивам, и которые, значит, могут быть квалифицированы как терроризм. Наряду с этим создана практика принятия мер против терроризма путем его определения (прямого или косвенного) в других документах: Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, принятой 16 декабря 1997 г. (ратифицированной Федеральным Собранием РФ 13 февраля 2001 г.); Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. (ратифицированной Федеральным Собранием РФ 10 июля 2002 г.) и др.

относятся к одному и тому же понятию – «террористическая деятельность», однако каждый из этих перечней в отдельности не совпадает с перечнем преступлений, образующих «террористическую деятельность», так как ее определяет примечание 2 к ст. 205² УК РФ. Для полноты картины следует сказать еще и об используемом в отдельных нормах Общей части УК РФ (например, в ч. 3 ст. 64) понятии «сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные статьями 277, 278, 279 и 360» УК РФ, при том что преступления, предусмотренные всеми этими статьями, в Особенной части УК РФ охватываются понятием «террористическая деятельность».

Трансформация российского антитеррористического законодательства

Как мы уже говорили, в первоначальной редакции антитеррористических норм не было полного понимания опасности террористических преступлений. Оно пришло позже, когда, в частности, Федеральным законом от 21 июля 2004 г. было введено пожизненное лишение свободы в случае совершения террористического акта при особо квалифицирующих признаках (ч. 3 ст. 205 УК РФ). После того, как все виды терроризма (акта терроризма) были отнесены к особо тяжким преступлениям, стали наказуемы не только приготовление к ним, но и их укрывательство (ст. 316 УК РФ).

Как безусловное подтверждение ужесточения в России ответственности за террористическую деятельность следует рассматривать введение Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ уголовной ответственности за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (кроме супруга или близкого родственника самого виновного), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Этим же законом установлен пониженный возраст уголовной ответственности (14 лет) за большинство преступлений, составляющих такую деятельность: прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ), несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ). Как было отмечено в заключении Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по безопасности и проти-

водействию коррупции, «во многих зарубежных законодательствах закреплён гораздо более строгий (в отличие от предлагаемого в законопроекте) подход к привлечению к уголовной ответственности несовершеннолетних, а возраст вообще не связывается с криминологической спецификой преступления (США, Французская Республика, Швейцарская Конфедерация и др.)»¹.

Действительно, строгие меры ответственности, вплоть до смертной казни, предусматривает уголовное законодательство многих государств мира, реально столкнувшихся с терроризмом и его угрозой, поэтому обращение к подобным мерам со стороны российского законодателя являются общемировой тенденцией в борьбе с терроризмом.

Так, например, принятый Палатой представителей Конгресса США «Акт об объединении и укреплении Америки путем предоставления надлежащих средств, необходимых для перехвата информации и воспрепятствования терроризму 2001 года» (Акт США о патриотизме – USA PATRIOT Act) ужесточил наказания для тех, кто совершает террористические преступления. Как объясняют авторы закона, американцам угрожает не только тот, кто совершает взрыв, но и тот, кто его финансирует. По этой причине федеральный Закон (Акт) о патриотизме ввел новые суровые наказания для тех, кто совершает и поддерживает террористические операции как внутри страны, так и за рубежом.

Также Закон предусмотрел ответственность за укрывательство лиц, которые совершили или собираются совершить ряд террористических преступлений, таких как: уничтожение самолетов; использование ядерного, химического или биологического оружия; использование оружия массового поражения; уничтожение государственного имущества; саботаж на ядерных объектах; воздушное пиратство. Усилены наказания, вплоть до установления максимальных, за различные преступления, которые могут быть совершены террористами, включая поджоги, разрушение энергетических объектов, материальную поддержку террористов и террористических организаций и уничтожение объектов национальной обороны. Усилено наказание за сговор, в том числе за поджоги, убийства на федеральных объектах, атаки на системы связи, саботаж ядерных объектов и вмешательство «в дела» членов летного экипажа (согласно предыдущему закону, многие статуты о терроризме конкретно не запрещали участие в заговоре с целью совершения основных преступлений, поэтому власти могли возбуждать уголовное дело только в соответствии с общим федеральным положением о заговоре, которое предусматривает максимальное наказание в виде пяти лет

¹ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174/6 «О проекте Федерального закона № 1039101-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”» // СПС «КонсультантПлюс».

лишения свободы). Наконец, новый Закон США карает террористические атаки на системы общественного транспорта и биотерроризм¹.

Усиление ответственности в нормах Общей части УК РФ² во многих случаях также следует рассматривать как проявление общемировых тенденций в борьбе с терроризмом. Так, в США упомянутый Акт о патриотизме отменил сроки давности для определенных террористических преступлений и продлил их для других террористических преступлений. В России также, обосновывая в 2016 г., например, изменение редакции ч. 3 ст. 12 УК РФ, Комитет Госдумы указал следующее: «С учетом того, что международный терроризм признается глобальной угрозой, законопроектом предлагается скорректировать понятие территориального принципа привлечения к ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, и совершивших преступление вне пределов Российской Федерации, включив в него отсылку на случаи, предусмотренные не только международными договорами Российской Федерации, но и иными документами международного характера, содержащими обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых уголовным законодательством Российской Федерации. В данном случае речь идет в том числе и о таких глобальных инструментах ООН, как, например, Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН), Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма (Принята Генеральной Ассамблеей ООН), Глобальной контртеррористической стратегии ООН (принята Генеральной Ассамблеей ООН)»³.

Однако не только ужесточение санкций за террористическую деятельность, но и дополнение УК РФ новыми антитеррористическими нормами следует рассматривать как проявление интеграционных процессов в национальном праве. В частности, упомянутым Федеральным законом введена уголовная ответственность за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Обосновывая введение данной законодательной новеллы, ее авторы указывали, что подход, «выделяющий в законодательстве международный терроризм в качестве самостоятельного вида преступной деятельно-

¹ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001: Preserving Life and Liberty. URL: <https://web.archive.org/web/20100102035036/http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 09.01.2021).

² Об ужесточении борьбы с террористическими преступлениями свидетельствуют те изменения и дополнения, внесенные на протяжении 2010–2018 гг. в Общую часть УК РФ, которыми в отношении лиц, их совершивших, увеличены сроки лишения свободы до 30 или 35 лет (ч. 5 ст. 56), запрещены применение условного осуждения (п. «а»)¹ ч. 1 ст. 73), освобождение по истечении сроков давности (ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83), отсрочка отбывания наказания (ч. 1 ст. 82) и др.

³ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174.

сти, уже свойствен отдельным зарубежным законодательствам (США, Республика Беларусь, Республика Македония и др.), а формулировка “международный терроризм” широко используется в ряде ключевых международно-правовых актов»¹.

Нормы, содержащиеся в международно-правовых актах, выступали в качестве одного из оснований (помимо практических потребностей повышения эффективности отечественного антитеррористического законодательства по противодействию терроризму) и для ряда других законодательных новелл². Так, Европейская конвенция о пресечении терроризма требует от подписавших ее государств – членов Совета Европы³ не квалифицировать «в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершаемого по политическим мотивам»:

– покушение на совершение одного из перечисленных в пунктах «а»–«е» ст. 1 данной Конвенции преступлений⁴;

– участие в качестве сообщника лица, которое совершает подобное преступление или покушается на его совершение.

Еще один международный документ – Резолюция 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. – обязывает все государства «ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались – или при осознании того, что они будут использованы, – для совершения террористических актов». Поскольку для подготовки и осуществления большинства террористических акций нужны значительные финансовые средства,

¹ Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 № 174.

² В частности, после вступления в силу, в УК РФ были введены ст.: 205¹ (в 2000 г.), 205² (в 2006 г.), 205³–205⁵ (в 2013 г.), 205⁶ и 361 (в 2016 г.).

³ Российская Федерация ратифицировала ее Федеральным законом от 07.08.2000 № 121-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Речь идет о преступлениях, подпадающих под действие положений Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.), и Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (подписанной в Монреале 23 сентября 1971 г.); а также о «серьезном преступлении, связанном с покушением на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов; преступлении, связанном с похищением, захватом заложников или серьезным незаконным насильственным удержанием людей; преступлении, связанном с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создает опасность для людей» (Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS N 90) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 27.01.1977, с изм. от 15.05.2003) // СПС «КонсультантПлюс»).

очевидно, отказ или уклонение от выполнения указанной резолюции, подписания или ратификации действующих конвенций и договоров в этой области равносильно торпедированию усилий борьбы с терроризмом.

Российский законодатель данные положения международно-правовых актов воспринял таким образом, что установил самостоятельную ответственность за приготовительные действия или покушение на отдельные террористические преступления, а также за соучастие в них или прикосновение к их совершению. Одним из примеров установления подобной ответственности является ст. 205¹ УК РФ. Вместе с тем на примере именно данной нормы стоит показать не только плюсы глобализации в уголовном праве, но и ее минусы.

Дело в том, что введение в УК РФ подобной нормы, по мнению многих российских исследователей, подрывает институты Общей части национального права о неоконченном преступлении и соучастии в преступлении, в социальном и криминологическом отношениях является необоснованным, а в плане технико-юридическом и содержательном – неудачным [8. С. 155–178; 18. С. 92–101; 19. С. 34–38; 20. С. 288; 21. С. 149; 22. С. 106; 23. С. 69–71]. Часть 3 ст. 205¹ УК РФ, в частности, придает значение самостоятельного состава преступления пособничеству (причем определение пособничества, содержащееся в примечании 1¹ к ст. 205¹ УК РФ, фактически дублирует его определение в Общей части – в ст. 33 УК РФ), устанавливает более строгое наказания пособнику, нежели исполнителю теракта и др. В этой связи в литературе вносятся разные предложения – от полного исключения из ст. 205¹ УК РФ части третьей [24. С. 10] до смягчения ее санкций [25. С. 43–46].

Заключение

По нашему мнению, глобализация в праве, в уголовном праве в особенности, должна иметь определенные границы. То, что международно-правовые акты рекомендуют или обязывают (в случае их ратификации) вносить изменения и дополнения в УК РФ, вовсе не означает, что их нужно обязательно вносить. Мы говорим не о том, что нужно игнорировать эти требования, а о том, что нужно хорошо знать собственное законодательство, которое нередко уже содержит те нормы, на введении которых настаивают международные документы. В частности, достаточно было вместо дополнения УК РФ спорными статьями, вроде 205¹, например, дополнить сами статьи, предусматривающие ответственность за отдельные террористические преступления, примечанием о том, что приготовление к их совершению и (или) покушение на их совершение наказуемы (или, подписывая международные договоры, сделать оговорку о том, что рекомендуемые ими нормы уже есть в российском законодательстве).

Безусловно, несмотря на предпринятые шаги по трансформации российского антитеррористического законодательства, его сближению и инте-

грации с международным и зарубежным правом, процесс глобализации в этой сфере не завершен. Особенно тесными интеграционные процессы должны происходить в законодательстве России и других государств – членов СНГ. Однако не менее важными представляются свойственные процессу глобализации взаимодействие и взаимовлияние законодательства России и государств, имеющих богатый и положительный опыт борьбы с терроризмом, как внутренним, так и зарубежным: США, Великобритании, Италии, Франции, Израиля, ФРГ, Испании и др. В качестве первых шагов необходимо устранить шероховатости в собственном, национальном законодательстве, поскольку те явные, очевидные недостатки, которые имеются в нем, не способствуют сближению с законодательством тех государств, качество которых выше, чем российское. Прежде всего, следует определиться с единым перечнем преступлений, охватываемых понятием «террористическая деятельность». Очевидно также, что только в случае совершения этих преступлений организация должна быть признана террористической (ч. 2 ст. 24 профильного закона 2006 г. допускает такое признание и при совершении ряда экстремистских преступлений).

Дополнение УК РФ ст. 361 породило у специалистов вопрос о том, что следует понимать под «международным терроризмом». Хотим напомнить, что российский профильный закон 1998 г. содержал определение «международная террористическая деятельность», которое, однако, в действующем профильном законе 2006 г. отсутствует. Между тем определение международного терроризма (международной террористической организации) имеется в законодательстве многих государств. Так, Акт США о патриотизме (ст. 802) содержит определение «внутреннего (“внутригосударственного”) терроризма»¹, в Свод законов США (раздел 18, § 2331) – международного терроризма, главным признаком которого закон считает транснациональность совершаемых насильственных или иных действий.

Еще один вопрос, который можно решать на путях интеграции и унификации национальных законодательств, это вопрос о террористических организациях. Мировой практике известны международные и внутригосударственные террористические организации (группы, объединения). Российскому законодателю, по примеру ряда стран, следует определиться, необходимо ли дополнить антитеррористическое законодательство нормой о международной террористической организации. Представляется, что это необходимо сделать, поскольку международная террористическая организация может обладать признаком, которого нет у внутригосударственной

¹ Так, после штурма Капитолия 6 января 2021 г. власти США возбудили не менее 25 дел о внутреннем терроризме (Раскрыто число дел о внутреннем терроризме в США после штурма Капитолия. URL: <https://lenta.ru/news/2021/01/11/25/>).

организации – это глобальный характер ее деятельности¹. Именно данный признак делает актуальным объединение усилий многих государств по противодействию такой организации и, как следствие, решению вопросов сближения (и трансформации) их национального антитеррористического законодательства.

Также следует обратить внимание на то, что в российском профильном законе 1998 г. имелось определение террористической группы, от которого, однако, по непонятным причинам законодатель отказался при принятии действующего профильного закона (2006 г.). Сегодня из-за отсутствия ее легальной дефиниции в нашей юридической литературе идут споры о том, чем являются появившиеся с 2013 г. в УК РФ (ст. 205⁴ и 205⁵) новые террористические группы («террористическое сообщество» и «террористическая организация») – организованной группой или преступной организацией [26. С. 175–182; 27. 100–105]. Между тем есть заслуживающий внимания опыт зарубежных государств. Например, Общая часть нового УК Казахстана (2014 г.) содержит норму, которая предлагает определение используемой в нормах уголовного закона «террористической группы» (п. 31 ст. 31)². Представляется, что по примеру казахстанского УК, российский УК также мог бы предложить ответ на вопрос о том, что следует понимать под упомянутыми им террористическими группами. Возможно, такое определение следует давать в Общей части (в главе «Соучастие в преступлении»), но не исключен вариант раскрытия содержания данного понятия в примечании к той статье Особенной части, в которой эти группы впервые упомянуты.

В любом случае следует признать, что трансформация антитеррористического права России (профильного законодательства и соответствующих норм УК РФ) должна быть продолжена в целях дальнейшего участия России в эффективном противодействии терроризму – международному в первую очередь. Терроризм давно перестал восприниматься как угроза локального характера, поэтому интернационализация противодействия ему является одним из проявлений глобализации в праве. Вместе с тем глобализация, которая является катализатором процессов сближения правовых систем и национальных законодательств, не означает, что трансформация национального права обязательно должна приводить к ломке правовых институтов и традиций, успешно применяемых в практической деятельности правоохранительных органов и судов государств.

¹ Сегодня глобальный характер свойствен деятельности международной террористической организации «Исламское государство», запрещенной в России и других государствах мира.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8671/file/Kazakhstan_CC_2014_am2020_ru.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

Список источников

1. James P., Steger M.B. A Genealogy of globalization: The career of a concept // Globalizations. 2014. № 11 (4). P. 417–434. doi: 10.1080/14747731.2014.951186
2. Дробот Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 105–127.
3. Albrow M., King E. Globalization, Knowledge and Society. London : Sage, 1990. 280 p.
4. Larsson Th. The Race to the Top: The Real Story of Globalization. Washington, DC : Cato Institute, 2001. 150 p.
5. Steger M. Globalization: A Very Short Introduction. New York : Oxford University Press, 2009. 184 p.
6. Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения : учеб. пособие. Пенза : Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
7. Бассиони Ш., Бериа ди Аржентине А., Дельмас-Марти М., Мак-Клеллан Д., Мельникова Э., Родионов К., Ростед Х., Савицкий В., Скревенс Р. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект / отв. сост. В.М. Савицкий. М. : БЕК, 1995. 296 с.
8. Рапог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155–178.
9. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М. : Проспект, 2005. 176 с.
10. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М. : Едиториал УРСС, 2001. 288 с.
11. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 20–42.
12. Побегайло Э.Ф. Терроризм и уголовная ответственность // Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма: Проблемно-тематический сборник. 1997. № 4.
13. Артамонов И. «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 4–6.
14. Назаркин М.В. Криминалистическая характеристика и предупреждение терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 197 с.
15. Трофимов Е.Н. Международное гуманитарное право и контртеррористические операции // Военно-юридический журнал. 2007. № 4. С. 26–30.
16. Дикеев С. Теоретические проблемы установления смысловых границ в уголовно-правовом определении терроризма // Уголовное право. 2004. № 1. С. 20–22.
17. Мелешко Н.П. Понятие терроризма и отграничение его от преступлений с признаками терроризирования // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 125–130.
18. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 92–101.
19. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34–38.
20. Борисов С.В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Рос. конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. /отв. ред. В.С. Комисаров. М. : Юрлитинформ, 2016. 562 с.
21. Феоктистов М.В. Ответственность за терроризм и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 105–110.
22. Кадников Н.Г., Дайшутов М.М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 104–107.
23. Некрасова А.А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 69–71.

24. Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 28 с.

25. Степанов-Егиянц В.Г. Некоторые вопросы квалификации содействия террористической деятельности // Российский следователь. 2018. № 2. С. 43–46.

26. Сипки М. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 175–182.

27. Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 100–105.

References

1. James, P. & Steger, M.B. (2014) A Genealogy of globalization: The career of a concept. *Globalizations*. 11(4). pp. 417–434. DOI: 10.1080/14747731.2014.951186

2. Drobot, G.A. (2008) Globalizatsiya: ponyatie, etapy, protivorechiya, otsenki [Globalization: the concept, stages, contradictions, assessments]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2. pp. 105–127.

3. Albrow, M. & King, E. (1990) *Globalization, Knowledge and Society*. London: Sage.

4. Larsson, Th. (2001) *The Race to the Top: The Real Story of Globalization*. Washington, DC: Cato Institute.

5. Steger, M. (2009) *Globalization: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

6. Glebov, G.I. & Milaeva, O.V. (2010) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern International Relations]. Penza: Penza State University.

7. Bassioni, Sh., Beria di Arzhentine, A., Delmas-Marty, M., McClellan, D., Melnikova, E., Rodionov, K., Rosted, H., Savitskiy, V. & Screvens, R. (1995) *Ugolovnaya yustitsiya: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy proekt* [Criminal Justice: Problems of International Cooperation. International Research Project]. Moscow: BEK.

8. Rarog, A.I. (2017) The Criminal Code of Russia Against Terrorism. *Lex Russica*. 4. pp. 155–178. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178

9. Kochoi, S.M. (2005) *Terrorizm i ekstremizm: ugolovno-pravovaya kharakteristika* [Terrorism and extremism: criminal law characteristics]. Moscow: Prospekt.

10. Petrishchev, V.E. (2001) *Zametki o terrorizme* [Notes on terrorism]. Moscow: Editorial URSS.

11. Gosudarstvo i pravo. (1995) *Terrorizm: psikhologicheskie korni i pravovye otsenki: kruglyy stol* [Terrorism: psychological roots and legal assessments: the round table]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 20–42.

12. Pobegaylo, E.F. (1997) *Terrorizm i ugolovnaya otvetstvennost'* [Terrorism and criminal liability]. *Aktual'nye problemy Evropy. Problemy terrorizma: Problemno-tematicheskii sbornik*. 4.

13. Artamonov, I. (2002) “Terrorizm”: problemy ugolovnoy otvetstvennosti [“Terrorism”: problems of criminal responsibility]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 4–6.

14. Nazarkin, M.V. (1998) *Kriminalisticheskaya kharakteristika i preduprezhdenie terrorizma* [Forensic characteristics and prevention of terrorism]. Law Cand. Diss. Moscow.

15. Trofimov, E.N. (2007) *Mezhdunarodnoe humanitarnoe pravo i kontrterroristicheskie operatsii* [International humanitarian law and counter-terrorist operations]. *Voenno-yuridicheskii zhurnal – Military-Law Journal*. 4. pp. 26–30.

16. Dikeev, S. (2004) *Teoreticheskie problemy ustanovleniya smyslovyykh granits v ugolovno-pravovom opredelenii terrorizma* [Theoretical problems of establishing semantic boundaries in the criminal law definition of terrorism]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 20–22.

17. Meleshko, N.P. (2004) *Ponyatie terrorizma i ogranichenie ego ot prestupleniy s priznakami terrorizirovaniya* [The concept of terrorism and its delimitation from crimes with signs of terrorization]. In: Dolgova, A.I. (ed.) *Terrorizm v Rossii i problemy sistemnogo*

reagirovaniya [Terrorism in Russia and Problems of Systemic Response]. Moscow: Russian Criminological Association. pp. 125–130.

18. Kaufman, M.A. (2016) Mistakes in criminal law legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 92–101. (In Russian). DOI: 10.12737/21224

19. Gladkikh, V.I. (2014) New legal mechanisms of fighting terrorism: critical analysis. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 34–38. (In Russian).

20. Borisov, S.V. (2016) K voprosu o kriminologicheskoy osnove sostava prestupleniya v vide posobnichestva v sovershenii terroristicheskogo akta [On the criminological basis of the crime of complicity in the commission of a terrorist act]. In: Komisarov, V.S. (ed.) *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.

21. Feoktistov, M.V. (2004) Otvetstvennost' za terrorizm i problemy sovershenstvovaniya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva [Responsibility for terrorism and problems of improving Russian criminal legislation]. In: Dolgova, A.I. (ed.) *Terrorizm v Rossii i problemy sistemnogo reagirovaniya* [Terrorism in Russia and Problems of Systemic Response]. Moscow: Russian Criminological Association. pp. 105–110.

22. Kadnikov, N.G. & Dayshutov, M.M. (2016) O problemakh otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti [On the problems of responsibility for terrorist crimes]. *Obshchestvo i pravo*. 2(56). pp. 104–107.

23. Nekrasova, A.A. (2016) Problemy sistematizatsii ugovolno-pravovogo regulirovaniya spetsial'nykh vidov prikosnovennosti i souchastiya v prestupleniyakh terroristicheskogo kharaktera [Problems of systematization of criminal law regulation of special types of implication and complicity in crimes of a terrorist nature]. *Obshchestvo i pravo*. 4(58). pp. 69–71.

24. Serebryakov, A.V. (2012) *Sodeystvie terroristicheskoy deyatel'nosti: problemy kvalifikatsii i sootnosheniya so smezhnymi sostavami prestupleniy* [Facilitating terrorist activity: problems of qualification and correlation with related elements of crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

25. Stepanov-Egiyants, V.G. (2018) Some issues of qualification of facilitating terrorist activities. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2. pp. 43–46. (In Russian).

26. Sipki, M. (2017) Arranging the Activities of a Terrorist Organization and Participation in These Activities (Art.2055 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 3. pp. 175–182. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.76.3.175-182

27. Ulyanova, V.V. (2015) Terroristicheskoe soobshchestvo i terroristicheskaya organizatsiya: problemy kvalifikatsii [The terrorist community and the terrorist organization: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 100–105.

Информация об авторе:

Кочои С.М. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: sam.kochoi@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.M. Kochoi, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sam.kochoi@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2021;
одобрена после рецензирования 15.06.2021; принята к публикации 02.03.2022.

The article was submitted 02.02.2021;
approved after reviewing 15.06.2021; accepted for publication 02.03.2022.